

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ
В КОНТЕКСТЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ
ПРОФЕССОРА А. М. ЛОМОВА

А. Л. Шарандин

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

TOPICAL ISSUES OF THE PARTS-OF-SPEECH THEORY
IN THE CONTEXT OF PROFESSOR
A. M. LOMOV'S GRAMMATICAL TEACHING

A. L. Sharandin

Tambov State University named after G. R. Derzhavin

Аннотация: в статье представлен аналитический материал о частях речи русского языка в контексте грамматического учения профессора А. М. Ломова. Объектом являются его научные статьи, в которых он критически осмысливает современное состояние учения о частях речи в плане их назначения и классификации. Цель статьи – анализ результатов корректировки профессором А. М. Ломовым традиционной теории частей речи и изложение авторского подхода к некоторым актуальным вопросам их изучения в современной русистике. Проанализированы такие спорные вопросы, как вопрос о содержании и объеме грамматики, о содержании и границах слова, о соотношении частей речи и структурно-семантических типов слов. В аспекте выявленных А. М. Ломовым нарушений тождества классификационных оснований в системе частей речи в дискуссионной форме представлены вопросы о языковом статусе местоимений, порядковых числительных, причастий, деепричастий, междометий. Предметом особого анализа явилось выделение категории репрезентации. В контексте грамматического учения А. М. Ломова она имеет все основания для включения в системное описание не только глагола (традиционно), но и других частей речи. Синтаксический характер категории репрезентации позволяет представить в большем разнообразии морфолого-синтаксические образования частей речи в качестве их репрезентантов в разных синтаксических позициях. Автор приходит к выводу о том, что рассуждения профессора А. М. Ломова о частях речи являются концептуально перспективными и свидетельствуют о значимости постоянного критического осмысления теории частей речи в связи с получением новых знаний в процессе изучения и описания русской грамматики.

Ключевые слова: А. М. Ломов, русский язык, части речи, структурно-семантические типы слов, способы номинации, категория репрезентации.

Abstract: the article presents analytical material on parts of speech of the Russian language in the context of the grammatical teachings of Professor A. M. Lomov. The object is his scientific articles in which he critically comprehends the current state of the doctrine of parts of speech in terms of their purpose and classification. The purpose of the article is to analyze the results of Professor A. M. Lomov's adjustment of the traditional theory of parts of speech and to present the author's approach to some topical issues of their study in modern Russian studies. Such controversial issues as the question of the content and volume of grammar, the content and boundaries of a word, the ratio of parts of speech and structural-semantic types of words are analyzed. In the aspect of the violations of the identity of the classification bases identified by A. M. Lomov in the system of parts of speech, questions about the linguistic status of pronouns, ordinal numerals, participles, interjections. The subject of special analysis was the allocation of the category of representation. In the context of A. M. Lomov's grammatical teaching,

it has every reason to include in the system description not only the verb (traditionally), but also other parts of speech. The syntactic nature of the category of representation makes it possible to present in a greater. The author comes to the conclusion that the reasoning of Professor A. M. Lomov about parts of speech is conceptually promising and testifies to the importance of constant critical understanding of the theory of parts of speech in connection with the acquisition of new knowledge in the study and description of Russian grammar; variety the morphological-syntactic formations of parts of speech as their representatives in different syntactic positions.

Key words: *A. M. Lomov, Russian language, parts of speech, structural-semantic types of words, methods of nomination, category of representation.*

Введение

Обращение профессора А. М. Ломова к теории частей речи закономерно, поскольку эта теория в системном плане включает в себя все признаки, определяющие сущность грамматического строя русского языка. Осознание им особой роли грамматики «как организующего и руководящего начала в речевой деятельности» [1, с. 3] отражено в его научных статьях и в учебном пособии «Основы русской грамматики», написанном в соавторстве с профессором И. П. Распоповым [Там же].

Поскольку учебный подход сопровождается редукцией и упрощением научных теорий, взгляды А. М. Ломова анализируются нами в контексте его научных публикаций, и прежде всего статьи «Части речи в отношении к предложению» (1986) – одной из центральных статей, имеющих теоретическую значимость в осмыслении назначения частей речи и их систематизации в русском языке. Сам А. М. Ломов определяет свою позицию как корректирующую, не предполагающую концептуального пересмотра фундаментальной теории частей речи. Это обусловлено его общей оценкой современного состояния грамматического учения о частях речи: «учение о частях речи, сложившееся... в результате более чем двадцативековых усилий лингвистов разных стран, в общем и целом не нуждается в кардинальной перестройке и требует лишь внесения определенных коррективов», которые отражают «критическое осмысление частеречной проблематики» [2, с. 33].

В этом проявилось отношение А. М. Ломова как исследователя к научной традиции, которая, по выражению В. В. Колесова, «фактор не менее плодотворный, чем новаторство» [3, с. 270]. Учет традиции позволяет на ее основе получать приращение новых знаний, тем самым обеспечивая поступательное развитие лингвистической науки. Не случайно А. М. Ломов в своих грамматических трудах стремится заново пройти путь предшественников, чтобы разобраться в сложном сплетении различных мнений и переосмыслить накопленные наукой знания. В этом случае его «критическое осмысление частеречной проблематики» дает возможность соотносить результаты предыдущего изучения частей речи с новым уровнем знаний. Для А. М. Ломова было важно не столько кардинально пересмотреть анализируемую проблему,

сколько сохранить фундаментальность традиционных знаний, их научную и учебную эффективность в качестве базового компонента в описании грамматики в целом и морфологии в отдельности. В этом случае корректировка могла быть более существенной для развития традиционной теории частей речи, чем ее разрушение, не дающее гарантии создания полноценной новой теории – менее противоречивой и имеющей большую объяснительную силу в описании грамматического строя русского языка.

Целью статьи является анализ результатов корректировки профессором А. М. Ломовым традиционной теории частей речи в контексте его грамматического учения и изложение нашего собственного подхода с позиций критического осмысления некоторых актуальных вопросов изучения частей речи в современной русистике.

Вопрос о содержании и объеме грамматики

Понятие грамматики было представлено А. М. Ломовым в специальной статье «Грамматика: содержание и объем понятия» (2000). Само ее название говорит о стремлении А. М. Ломова определиться в важнейшем теоретическом вопросе, который необходимо учитывать для понимания и описания русской грамматики в целом и частей речи в отдельности. По его мнению, «общее построение грамматики получает следующий вид. Грамматика состоит из четырех разделов, соответствующих четырем основным уровням языка – уровням звука, морфа, слова и предложения. Эти разделы допустимо именовать, опираясь на существующую научную традицию, “Фонетикой”, “Морфемикой”, “Лексикологией” (или, может быть, “Лексемикой”) и “Синтаксисом”» [2, с. 73].

Естественно, учитывая такое широкое понимание грамматики, возникает вопрос о характере отношений между этими разделами и их востребованности для теории частей речи. То, что они взаимосвязаны в рамках грамматики, сомнений нет, но с равным успехом эти разделы могут быть перечислены в содержании и объеме, например, лексикологии (или, по Ломову, лексемике). В этом случае лексикология также включает фонетику, морфемiku, слово и грамматику, ибо слова имеют звуковую оболочку, морфемную структуру и лексическую семантику, оформленную грамматически. Поэтому широкое понимание грам-

матики, представленное А. М. Ломовым, на первый взгляд, как бы утрачивает исследовательскую значимость собственно грамматического учения о слове. Однако такое восприятие оказывается следствием системоцентрического подхода к описанию языка, когда изучение морфологии и синтаксиса в качестве самостоятельных уровней позволяло детально и глубоко описать их единицы и функции. Несомненно, такой подход в исследовательском плане был правомерен и необходим. Но он в какой-то степени противоречил пониманию языка как многоуровневой системы, в которой грамматический уровень предполагает определенные отношения с другими уровнями в плане их взаимосвязи и взаимодействия. Естественно, каждый из уровней был предназначен для выполнения определенной функции, однако лишь в своей целостности язык выполняет коммуникативную функцию в качестве основного средства человеческого общения.

Однако, с нашей точки зрения, широкое понимание грамматики А. М. Ломовым не только не утратило исследовательскую ценность, но наоборот, стало **актуальным** в контексте современного **интегративного подхода** к изучению и преподаванию русского языка. Именно ориентация на интеграцию провозглашена, например, в современном вузовском учебнике по синтаксису под общей редакцией академика С. Г. Ильенко «в качестве главного принципа изложения основ синтаксической системы» [4, с. 15]. При этом, на наш взгляд, следует помнить, что результатом процесса интеграции разных уровней языковой системы должно быть не столько утверждение их взаимосвязи, что очевидно, сколько описание их взаимодействия и «упорядоченного функционирования частей целого» [5, с. 210], т. е. интеграция предполагает ее **структурирование**. В частности, **место и статус морфологии** в интегративном пространстве языковых уровней мы характеризуем так: морфология определяется синтаксисом, а в целом они обслуживают лексику, оформляя и структурируя ее содержание (морфология) и осуществляя лексико-синтаксическую координацию (синтаксис) [6].

Вопрос о содержании и границах слова

В частеречном плане логично обратить внимание на связь, прежде всего, с лексикологией (лексемикой, по Ломову), поскольку части речи характеризуются как классы слов. С этой точки зрения целесообразно дать понимание слова как единицы, участвующей, по выражению А. М. Ломова, в «распределении лексического материала по частям речи» [2, с. 33].

К сожалению, термин «слово», как и термин «грамматика», не однозначен в своем понятийном содержании и объеме. Он присутствует и в понимании слова как семиотической единицы, т. е. как знака; и

в понимании слова как языковой единицы, т. е. как лексем (в понимании В. В. Виноградова); и в понимании слова как речевой единицы, т. е. как формы слова. Для носителей русского языка, не обладающих специальными знаниями, разными словами являются не только, например, *читать – читатель*, но и *читать – читающий*, и *читаю – читаешь – читает*, и даже предлоги, союзы, частицы. Поэтому классификация частей речи отражает не обыденное сознание носителей языка, а специальные, научные знания, связанные с теоретико-ориентированным подходом к изучению грамматики.

Собственно знаковый статус присущ образованиям, представленным в тематических группах. Исследователи отмечают экстралингвистическую направленность их содержания и считают, что слова в них являются своего рода отражениями, преломлениями тех или иных фрагментов действительности. Например, лексический состав тематической группы «Части человеческого тела» обусловлен физиологической организацией человека, строением его тела. И собственно языковых закономерностей, позволяющих описать связи между словами в тематической группе, по существу, нет (см.: [7]). Именно по отношению к ним показательно высказывание В. В. Виноградова о том, что «слова, взятые вне системы языка в целом, лишь в их отношении к вещам и явлениям действительности, служат различными знаками, названиями этих явлений действительности, отраженных в общественном сознании. Рассматриваемые только под этим углом зрения слова, в сущности, еще лишены соотносительности языковых форм и значений. Они сближаются друг с другом фонетически, но не связаны ни грамматически, ни семантически» [8, с. 16].

Однако сформировавшийся в сознании человека тот или иной **образ (концепт)** предметов и явлений действительности предназначен для передачи его содержания другим людям, для чего концепт должен быть материализован (объективирован) языковым способом – оязыковлен, и прежде всего универсальным средством – звуковым. В этом случае звуковая объективация обеспечивает доступность мыслительных единиц (единиц ментального лексикона) для передачи концептуального содержания в общении. Именно в этом смысле (язык как форма) можно понимать известное высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что «на «духе» с самого начала лежит проклятие – быть «отягощенным» материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков...» («Немецкая идеология»). Поэтому и в отношении единиц тематических групп вполне употребим термин «слово», но именно в понимании как семиотической единицы (знака), оформленной фонетически.

В полном объеме содержание и форма слова уже как языкового знака выступают в коммуникативном акте, т. е. в общении. В нем слово получает языковое значение и реализует свои функциональные речевые возможности. В результате знак вообще приобретает статус языкового знака как единицы общения. Это изменение статуса обеспечивается соотносительностью языковой формы и значения, когда слово выступает как единица коммуникативной знаковой системы – языка.

В этом случае мы имеем дело с расщеплением слова на речевой вариант и языковой инвариант (грамматический или лексико-семантический). Как *речевая единица*, представляющая в определенной морфолого-синтаксической форме, *слово – грамматический вариант* имеет свое конкретное грамматическое значение, выраженное теми или иными средствами, чаще всего морфемного характера. В результате возникает *соотносительность грамматического значения и соответствующей грамматической формы*, структурирующей (оформляющей) лексическое значение слова. Это позволяет в классификации частей речи учитывать их грамматические характеристики.

Однако фиксация слова только в речевом статусе обусловила бы его представление в словаре в виде перечня словоформ, что было бы самым неэкономным способом отражения предметов и явлений действительности. Поэтому в словаре слово предстает как языковая единица. В этом случае слово как речевая единица (словоформа) оказывается членом *парадигматически оформленной* единицы, являющейся результатом систематизации речевых процессов. В качестве моделирующей системы по отношению к ним и выступает язык. В определенном смысле можно говорить о своего рода *оязыковлении речи*. Язык как бы «упаковывает» единицы речи в определенные модели: звуки – в фонемы, морфы – в морфемы, словоформы – в лексемы, высказывания – в предложения. Естественно, имеется в виду, что моделирующая функция языка осуществляется посредством определенных механизмов перевода речи в язык и обратно. Центральной языковой моделью, представляющей знаковую единицу в составе коммуникации человека, является лексемная (словесная в языковом смысле) модель, которая позволяет в ее рамках объединить разнообразие грамматических форм слова. Согласно В. В. Виноградову, лексема – это «слово, рассматриваемое в контексте языка, т. е. взятое во всей совокупности своих форм и значений» [8, с. 17].

Означает ли это, что лексема является только неким логическим конструктом, реальность которого в действительности не представлена? На наш взгляд, нет: лексема всегда представлена той или иной речевой реализацией, реальность которой не вызывает сомнения.

Таким образом, вполне можно принять ломовское определение лексикологии как *лексемимики*. И соответственно *лексемный подход к слову* можно видеть в лексико-грамматическом принципе классификации частей речи. В этом плане мы имеем, строго говоря, *оязыковление* частей речи как единиц речи, т. е. *языковые* части речи.

Лингвистическая значимость понятия формы слова определяется тем, что форма слова *не участвует в лексической классификации*, поскольку формы слова тождественны в лексическом плане, различаясь грамматически. Поэтому они *не включаются в частеречную классификацию* в качестве лексем. Однако грамматические формы оказываются значимыми для их оформления в составе частей речи. По мнению В. В. Виноградова, «в языках такого строя, как русский, нет лексических значений, которые не были бы грамматически оформлены и классифицированы. Понятие бесформенного слова к современному русскому языку неприложимо» [8, с. 18].

Как совершенно справедливо отмечает А. М. Ломов, «расчлененность лексического состава того или иного языка на определенные разряды (классы) обнаруживается не прямо... а косвенно – через всякого рода акцидентные... языковые феномены – морфологические, синтаксические, словообразовательные» [2, с. 33]. Вследствие этого важным оказывается его сомнение в том, «будто части речи как таковые классифицируются по комплексу различных признаков. В действительности же по комплексу признаков (в их полном или частичном наборе) может опознаваться лишь принадлежность конкретного слова к той или иной части речи, а сами части речи противопоставляются друг другу... исключительно на основе собственных им категориальных значений» [2, с. 34].

Таким образом, в контексте широкой трактовки грамматики А. М. Ломовым, а также с учетом семиотического, речевого и языкового содержания, мы определяем термин «слово» следующим образом. *Слово* – это лексический репрезентант концепта, который в речи имеет фонетическую природу объективации, является синтагматическим членом высказывания и предстает в его синтаксических позициях в тех или иных морфологических формах, значения которых отражены в морфемной структуре и образуют парадигму лексем.

Части речи и структурно-семантические типы слов (способы номинации)

Однако определение слова-лексемы и его отграничение от формы слова-лексемы еще не оказывается достаточным для непротиворечивой и полной характеристики частей речи русского языка. Это связано с тем, что *в русском языке слова не располагаются в одной плоскости*, поскольку они имеют разный

языковой статус с точки зрения представления ими различных структурно-семантических типов слов, связанных со способом номинации денотата. Именно на этот важнейший аспект обращает внимание А. М. Ломов, выделяя четыре способа номинации в качестве наиболее значимых для теории частей речи. К их числу он относит: 1) *характеризующий способ номинации*, представленный предметно-понятийными словами типа *конь, стол, читать, высокий*; 2) *конвенционально-индивидуализирующий способ номинации*, представленный собственными именами типа *Байкал, Петр, Полкан, Барбос, Набережные Челны*; 3) *выделительный способ номинации*, представленный словами с количественной семантикой типа *восемь, пять, первый, тысяча*; 4) *дейктический способ номинации*, представленный местоимениями [2, с. 37–38].

В результате возникает вопрос о связи и соотношении частей речи и способов номинации или частей речи и структурно-семантических типов слов. Мы предпочитаем использовать понятие структурно-семантического типа слов, поскольку оно в большей степени ориентировано на отношения с частями речи как классами слов. Но при этом, конечно, учитываем, что способ номинации определяет содержание того или иного структурно-семантического типа слов и связан с его грамматическим оформлением, что однозначно представлено в самом названии – структурно-семантический.

На наш взгляд, проблема соотношения понятий «части речи» и «структурно-семантические типы слов» имеет методологический характер [9]. По мнению В. В. Виноградова, «выделению частей речи должно предшествовать определение основных структурно-семантических типов слов» [8, с. 31]. Это означает, что противопоставление частей речи должно осуществляться в рамках одного и того же семантико-структурного типа. Разные структурно-семантические типы слов в этом случае представляют собой разные плоскости классификаций. Как существует самостоятельная классификация частей речи, так и существует самостоятельная классификация структурно-семантических типов слов, включающая, по крайней мере, предметно-понятийные, предметные и собственно понятийные (термины) слова. Это и позволяет в дальнейшем применить по отношению к выделенным ранее (в силу их предшествования) типам слов принципы классификации частей речи.

Наглядным примером оказывается традиционное выделение *местоимения* в качестве самостоятельной части речи в ряду с другими самостоятельными частями речи. Мы согласны с А. М. Ломовым, который видел в этом «нарушение тождества классификационных оснований... когда в ряд частеречных признаков попадают признаки иного плана» [2, с. 36]. Поэ-

тому его мнение отличается от определения частеречного статуса местоимений в школьных и большинстве вузовских учебников. В них, как известно, местоимение рассматривается в качестве одной из частей речи в общей классификации частей речи русского языка. Но возникает вопрос: какой именно части речи местоимение должно быть противопоставлено? Существительному? В этом случае в противопоставлении будут участвовать местоимения-существительные. Однако наряду с ними исследователи выделяют местоимения-прилагательные, местоимения-числительные и даже глагольное местоимение *что делать, что сделать*.

Дейксис – это, на наш взгляд, особый самостоятельный тип значения, присущий *знаменательно-служебным* словам – *местоимениям*, в силу чего они оказываются *самостоятельным и специфическим структурно-семантическим типом слов*. По мнению С. А. Крылова, «местоимения (как часть языковой системы) занимают “перпендикулярное” положение по отношению к дихотомии лексического и грамматического, сближаясь в одних отношениях со знаменательными словами, а в других – со служебными словами» [10, с. 399]. Это позволяет противопоставлять их назывным словам не внутри одной системы частей речи, а на уровне разных систем частей речи, представленных разными структурно-семантическими типами слов – назывными (знаменательными) и дейктическими (знаменательно-служебными). Показательно в этом плане мнение В. В. Виноградова: «В силу своеобразия своей лексической и грамматической природы местоимения до сих пор не вполне слились с живой системой продуктивных частей речи и не перешли целиком в разные синтаксические частицы» [8, с. 270]. Это позволило ему рассматривать местоимения на правах слов, примкнувших к словам-названиям и «являющихся эквивалентами, а иногда заместителями названий» [8, с. 30].

На наш взгляд, в местоименных знаках, как и в назывных, есть и отражение действительности. Однако оно достигает в них такой степени обобщения, что делает нерелевантным непосредственное название в виде конкретного лексического значения. В связи с этим отвлеченный характер местоимений позволяет им выражать саму идею представления действительности, в максимальной степени обобщив все основные параметры этой действительности: лица, предметы, признаки, пространство, время и т. д. Различие между называнием и дейксисом в том, что в назывании информация о действительности предстает как «отраженное разнообразие» (А. Д. Урсул), а в дейксисе – как «отраженное однообразие». Это различие в способе номинации обуславливает незакрытый ряд названий предметов и явлений действительности у слов-названий (по В. В. Виноградову) и

сравнительно закрытый (незначительно пополняемый) ряд их обозначений у местоимений, что сближает их со служебными словами. При этом именно высокая степень обобщения и абстракции позволяет местоимениям выполнять **функцию выразителей частеречной семантики**.

Кроме того, с функциональной точки зрения, местоимения, имея указательно-заместительную семантику, являются средством текстообразования, т. е. они структурируют отношения между высказываниями в составе текста (дискурса) и в этом плане выполняют служебную функцию.

Таким образом, в трактовке А. М. Ломовым местоимений в системе частей речи мы имеем развитие учения о структурно-семантических типах слов. Он учитывает однородность связи слов с различными способами их номинации. Данный подход отражает линию традиционного противопоставления знаменательных и незнаменательных (служебных) слов в языке. В нашем понимании она представлена с некоторыми уточнениями: знаменательные слова (слова-названия) – полузнаменательные (знаменательно-служебные) слова (местоимения) – служебные слова (связка *быть*) – служебные элементы морфемного типа (предлоги, союзы, частицы).

Мы согласны и с позицией А. М. Ломова в отношении статуса модальных слов. Их невключение в состав традиционно выделяемых частей речи также обусловлено иной языковой природой. По его мнению, «их отличительный признак – автономность в предложении, обусловленная необходимостью выражения разного рода отношений говорящего к содержанию и форме высказываемого сообщения, – носит явно синтаксический характер и к тому же является общим не только для слов, но и для словесных комбинаций... (ср.: *должно быть, видишь ли, к удивлению, одним словом* и т. д.)» [2, с. 39]. Свою позицию в отношении статуса модальных слов А. М. Ломов подкрепляет позицией академика В. В. Виноградова, который рассматривал их в качестве особого структурно-семантического типа слов, не входящих в частеречную классификацию. На наш взгляд, позиция А. М. Ломова в отношении языковой природы и статуса так называемых модальных слов более точно отражает их сущность. Обоснование их синтаксического характера в большей степени сориентировано на трактовку модальных слов как «редуцированных по смыслу вводных предложений» [8, с. 571]. Эта редуцированность обусловлена жесткой привязанностью данных высказываний к конкретной речевой ситуации [11, с. 62]. Как отмечает М. Я. Дымарский, «они способны функционировать только в качестве ситуативно зависимых, теряющих качество коммуникативности при их изъятии из структуры коммуникативного акта» [11, с. 63], и потому, по наблюдению

В. В. Виноградова, они «употребляются преимущественно в диалогической речи, в ответных и вопросительных репликах собеседников» [12, с. 79]. С нашей точки зрения, так называемые модальные слова – это не столько особый структурно-семантический тип слов, сколько **особый тип ситуативно-зависимых высказываний**, близких к междометным высказываниям, но отличающихся от них смысловым содержанием. «Модальные слова определяют точку зрения говорящего субъекта на отношение речи к действительности» [8, с. 568], а междометные высказывания выражают чувства и эмоции говорящего.

Второй тип нарушений тождества классификационных оснований (по Ломову). Вопрос о порядковых числительных

Этот тип связан, по мнению А. М. Ломова, с объединением в рамках одной части речи слов, нетождественных по своим категориальным значениям. Примером, с его точки зрения, является выделение количественных и порядковых числительных в рамках числительного как части речи. Он считает, что в содержательной структуре порядковых числительных «отражено значение количества (как и у количественных числительных), но оно явно не носит категориального характера, будучи полностью подчинено значению стабильного признака, лежащего в основе класса прилагательных (подобно тому как это значение у существительных типа *белизна, чернота*, и процессуального признака у существительных типа *бег, чтение* подчинены категориальному значению предмета)» [2, с. 39]. Поэтому «по своему категориальному значению (значению стабильного признака), по формальным свойствам слова, определяющие положение предмета в порядке счета, входят в разряд **относительных прилагательных**» [2, с. 40]. Однако обращает на себя внимание то, что А. М. Ломов объединяет в рамках **выделительного способа номинации** и количественные, и порядковые числительные (например, *пять* и *первый*), т. е. мы не имеем разных способов номинации, определяющих разные структурно-семантические типы слов.

В этом случае принципиальным является вопрос о языковой природе категориального значения порядковых числительных. Определяет ли их категориальное значение различие между разными словами в результате словообразования или между разными формами слова в результате формообразования? На наш взгляд, в случае с порядковыми образованиями типа *пятый* мы имеем процесс **формообразования**, представленный «**синтаксической деривацией**» (по Е. Куриловичу) или «**чистой транспозицией**» (по М. Докулилу).

Что происходит с количественным числительным, когда оно попадает в позицию определения, прису-

щую относительному прилагательному? Во-первых, несамостоятельный количественный признак получает статус самостоятельного члена предложения. Во-вторых, количественный признак претерпевает концептуальные изменения: он уже связан не с количеством предметов при счете, а с порядком предметов при счете, т. е. на первый план выступает семантика отношения, которая присуща относительным прилагательным как части речи. Ср.: *Отец купил ребенку пять книг о войне. Четыре книги ребенок прочитал за время каникул, но пятая книга так и осталась непрочитанной.* Данные изменения нашли отражение в морфологических характеристиках порядкового числительного. Оно стало изменяться по падежам, родам и числам, т. е. так, как изменяется относительное прилагательное.

В связи с этим и возникает вопрос об отношениях между количественным числительным, например, пять и порядковым числительным, соответственно, пятый. Являются ли они двумя самостоятельными лексико-грамматическими разрядами (ЛГР) в составе числительного, или порядковые образования следует отнести к прилагательному, или же мы имеем особую адъективную форму количественного числительного *пять* в позиции определения?

С нашей точки зрения, мы имеем результат синтаксической деривации, отражающей взаимодействие количественного числительного и относительного прилагательного, когда количественное числительное из своей основной синтаксической позиции – несамостоятельного количественного признака предмета в составе нумеративного комплекса – попадает в основную позицию относительного прилагательного и предстает в ней как самостоятельный определительный признак в отношении к количеству. Это сопровождается морфологическими изменениями в характеристике количественного числительного, представленного в форме относительного прилагательного, но при этом не происходит разрыва с лексическим значением количественного числительного. Категориальное различие в этом случае имеет не денотативную природу, а грамматическую, поскольку оно обусловлено разными синтаксическими позициями, которые, конечно, в концептуальном плане значимы. Когда представлено количественное числительное в составе нумеративного комплекса, то в ракурсе восприятия этого комплекса в целом, а в случае с порядковым числительным внимание сосредоточено не столько на всем количестве, сколько на порядковом номере предмета, определяемого им. Ср.: *пять томов стояли в шкафу и пятый том лежал на столе.*

Грамматические изменения, отражающие категориальную семантику порядковых числительных, позволяют рассматривать их как **особые коммуникативно-дискурсивные формы количественного**

числительного. В концептуальном плане восприятие количества в порядковых числительных осложнено отношением к порядку предметов при счете. В результате значение количества оказывается несколько затуманенным, менее ярким по сравнению с неосложненным количественным восприятием, выраженным количественными числительными.

Таким образом, **порядковые числительные** не участвуют в частеречной классификации в качестве самостоятельных лексем, а представляют собой **особые формы количественного числительного.** У них несколько иная языковая природа, что находит отражение в грамматических различиях категориального характера с собственно количественными числительными [13].

Третий тип нарушения тождества классификационных оснований (по Ломову). Вопрос о статусе причастия и деепричастия. Категория репрезентации

Как отмечалось выше, третий тип представлен случаями, «когда варианты одного и того же частеречного признака рассматриваются как разные частеречные признаки» [2, с. 36]. В качестве примера А. М. Ломов приводит выделение причастия и деепричастия как самостоятельных частей речи. По его мнению, такое решение нецелесообразно [2, с. 42], с чем мы полностью согласны. Причастие и деепричастие являются **особыми (гибридными) формами глагола**, который в синтаксическом плане реализует не только свою основную синтаксическую функцию – предикативную, но и вторичные синтаксические функции. Коммуникативно-дискурсивная природа этих форм связана с особенностями тех денотативных ситуаций, которые отражаются в тождественности лексических значений слов, но при этом выражается особый ракурс, особое восприятие реализации этих ситуаций в коммуникативном плане. В **причастии** представлена **двухфокусность восприятия глагольного признака**, обусловленная взаимодействующими частеречными концептами ПРОЦЕСС и ПРИЗНАК. В **деепричастии** также представлена **двухфокусность** восприятия глагольного признака, но только в качестве второго фокуса восприятия выступает не атрибутивность по отношению к предмету, как у причастия, а атрибутивность по отношению к другому глагольному признаку, что создает **эффект двойной признаковости** («признак процесса»). Это обусловлено динамическим характером человеческого сознания и его единиц – концептов, которые в языке получают различную репрезентацию в тех или иных формах слов для решения коммуникативных целей.

Особо отметим обоснование А. М. Ломовым статуса причастия и деепричастия как особых форм глагола на основе категории репрезентации глагола.

По его мнению, «в 50-е гг. нашего столетия А. И. Смирницким была высказана оставшаяся практически незамеченной точка зрения, согласно которой спрягаемые формы, инфинитив, абстрактные отглагольные имена, причастие и деепричастие представляют собой члены особой грамматической категории, названной им (не вполне, впрочем, удачно) категорией репрезентации» [2, с. 41]. Поэтому для ее выделения, с его точки зрения, «есть весьма веские основания» [2, с. 41]. С этим трудно не согласиться, хотя заметим, что еще до А. И. Смирницкого содержательную сущность репрезентации глагола можно усматривать в учении А. А. Шахматова, который писал: «Часть речи, называемая глаголом, включает в себе не только названия активного признака простые, но также обособленные теми или иными сопутствующими представлениями» [14, с. 460].

На наш взгляд, можно дать следующее определение категории репрезентации глагола с позиций ее категориального структурирования. **Категория репрезентации** – это система противопоставленных друг другу рядов глагольных образований, объединенных инвариантным (общим) значением отношения к степени проявления процесса как признака и различающихся между собой вариантным (конкретным) содержанием его проявления, которое имеет морфологическую и синтаксическую выраженность, а также характеризуется признаком обязательности и регулярности.

Вопрос о статусе междометий

С точки зрения корректирующей позиции А. М. Ломова хотелось бы обратить внимание на представление в классификации частей речи междометий. Он считает, что междометия, хотя и контрастируют с общей массой частей речи, представляя собой «периферийное явление», но тем не менее, характеризуются как часть речи. По его мнению, «междометия **называют** (? , скорее всего, сообщают, выражают. – А. Ш.) некоторые ситуации в целом – без их предварительного расчленения на элементы (ср.: *Ой!* – *Мне больно*; *Ого!* – *Я удивлен* и т. д.) [2, с. 36].

С нашей точки зрения, **междометия не структурированы как слова**: отсутствие лексической семантики назывного типа обуславливает у них отсутствие грамматического оформления. С этой точки зрения междометиям не присущи какие-либо морфологические категории и признаки, они не отвечают на логический вопрос и не являются членами предложения. В составе предложения они не связаны с другими членами предложения, но способны осложнить предложение, делая его эмоционально окрашенным. Поэтому **выделение междометий как особой части речи**, которую нельзя отнести ни к знаменательным (не называют), ни к служебным (они явля-

ются самодостаточными, образуя междометные высказывания), **следует признать некорректным**. В своей первичной функции междометия коммуникативны. В них целесообразно видеть аналоги предложений. Не случайно в этом качестве они и представлены в научной и учебной литературе в разделе синтаксиса: понятие «нечленимые предложения» иллюстрируется, прежде всего, междометными высказываниями типа *Ах!*, *Еще бы!* или утвердительными и отрицательными высказываниями типа *Да. Нет*. Понятие «слово» или «структурно-семантический тип слов» по отношению к ним некорректно. **Междометия** – это не особый структурно-семантический тип слов, а **особый тип высказываний** (нечленимый, «ситуативно зависимый», по С. Г. Ильенко), который противопоставлен членному (коммуникативно-структурному, «ситуативно независимому») (по С. Г. Ильенко) типу высказываний.

Определение междометия в качестве не особой части речи, а как особого типа высказывания, позволяет внести уточнение в соотношение понятий предложения и высказывания, которое, кстати, по-разному представлено у И. П. Распопова и А. М. Ломова. Для первого данные понятия равнозначны [15, с. 184], тогда как для второго они не являются полностью тождественными [2, с. 108–111]. На наш взгляд, более перспективной оказалась позиция А. М. Ломова, позволяющая представить соотношение предложения и высказывания следующим образом. Все предложения предполагают реализацию в виде высказываний, но не все высказывания имеют предложенческую структуру, т. е. не все высказывания характеризуются как языковые единицы, оставаясь на уровне собственно коммуникативных единиц.

Заключение

Характеризуя в целом взгляды А. М. Ломова на систему частей речи русского языка, отметим, что, на наш взгляд, его подход – это системноцентрический подход, представленный в лучших традициях уровня описания частей речи. Этот подход по-прежнему востребован в исследовательском пространстве, поскольку, несмотря на смену научных парадигм, он определяет наши ядерные знания в той или иной области изучения языка и учитывает их применение в функциональном и коммуникативно-дискурсивном плане [16]. Яркое подтверждение этого мы находим в грамматическом учении А. М. Ломова. Его интересные и концептуально перспективные рассуждения свидетельствуют о том, что развитие теоретических знаний предполагает целесообразность постоянного критического их осмысления в связи с поступательным развитием грамматической теории и получением новых знаний в процессе изучения и описания русской грамматики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Распопов И. П., Ломов А. М. Основы русской грамматики. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1984. 352 с.
2. Ломов А. М. Избранные труды. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2023. 133 с.
3. Колесов В. В. История русского языкознания : очерки и этюды. СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2003. 472 с.
4. Ильенко С. Г. Современный русский язык. Синтаксис / под общ. ред. С. Г. Ильенко. М. : Юрайт, 2018. 391 с.
5. Философский энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
6. Шарандин А. Л. Лексика, морфология, синтаксис и коммуникация как интегративное единство (в контексте идей профессора С. Г. Ильенко) // Слово. Словарь. Словесность. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. С. 41–46.
7. Котцова Е. Е. Лексическая семантика в системно-тематическом аспекте. Архангельск : Поморский гос. ун-т, 2002. 203 с.
8. Виноградов В. В. Русский язык : грамматическое учение о слове. М. : Высшая школа, 1972. 614 с.
9. Шарандин А. Л. Учение В. В. Виноградова о структурно-семантических типах слов : методологический характер и перспективы его реализации в русистике // Горизонты современной русистики. М. : ГИРЯ им. А. С. Пушкина, 2020. С. 695–702.
10. Крылов С. А. Лексическое и грамматическое в местоимениях // Русский язык : исторические судьбы и современность. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 399–400.
11. Дымарский М. Я. Коммуникативная функция и предикативные структуры. Очерки по теории синтаксиса. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 360 с.
12. Виноградов В. В. Введение // Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. Ч. 1. М., 1954. С. 5–111.
13. Шарандин А. Л. Порядковые числительные как особые когнитивные коммуникативно-дискурсивные формы // Когнитивные исследования языка. Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2020. С. 735–740.
14. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л. : Учпедгиз, 1941. 620 с.
15. Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке М. : Просвещение, 1970. 191 с.
16. Шарандин А. Л. Морфология современного русского языка : учеб. пособие. М. : ФЛИНТА, 2021. 360 с.

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
 Шарандин А. Л., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка
 E-mail: sharandin@list.ru

Поступила в редакцию 10 июля 2024 г.
 Принята к публикации 26 сентября 2024 г.

REFERENCES

1. Raspopov I. P., Lomov A. M. Osnovy` russkoj grammatiki. Voronezh: Izd-vo VGU, 1984. 352 p.
2. Lomov A. M. Izbranny`e trudy`. Voronezh: Izdatel`skij dom VGU, 2023. 133 p.
3. Kolesov V. V. Istoriya russkogo yazy`koznaniya: Oчерki i e`tyudy`. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2003. 472 p.
4. Il`enko S. G. Sovremenny`j russkij yazy`k. Sintaksis. Pod obshh. red. S. G. Il`enko. M.: Izdatel`stvo Yurajt, 2018. 391 p.
5. Filosofskij e`nciklopedicheskij slovar`. M.: Sov. E`nciklopediya, 1983. 840 p.
6. Sharandin A. L. Leksika, morfologiya, sintaksis i kommunikaciya kak integrativnoe edinstvo (v kontekste idej professora S. G. Il`enko). In: *Slovo. Slovar`. Slovesnost`*. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2019. Pp. 41–46.
7. Kottsova E. E. Lexical semantics in system-thematic aspect. Arkhangelsk: Pomeranian State un-t, 2002. 203 p.
8. Vinogradov V. V. Russkij yazy`k: Grammaticheskoe uchenie o slove. M.: Vy`sshaya shkola, 1972. 614 p.
9. Sharandin A. L. Uchenie V. V. Vinogradova o strukturno-semanticheskix tipax slov: metodologicheskij karakter i perspektivy` ego realizacii v rusistike. In: *Gorizonty` sovremennoj rusistiki*. M.: GIRYa im. A. S. Pushkina, 2020. Pp. 695–702.
10. Krylov S. A. Lexical and grammatical in pronouns. In: *Russian language: historical destinies and modernity*. M.: Publishing House of Moscow University, 2010. Pp. 399–400.
11. Dy`marskij M. Ya. Kommunikativnaya funkciya i predikativny`e struktury`. Oчерki po teorii sintaksisa. Sankt-Peterburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2021. 360 p.
12. Vinogradov V. V. Vvedenie. In: *Grammatika russkogo yazy`ka*. T. II. Sintaksis. Ch. 1. M., 1954. Pp. 5–111.
13. Sharandin A. L. Poryadkovy`e chislitel`ny`e kak osoby`e kognitivny`e kommunikativno-diskursivny`e formy`. In: *Kognitivny`e issledovaniya yazy`ka*. Tambov: Izdatel`skij dom «Derzhavinskij», 2020. Pp. 735–740.
14. Shaxmatov A. A. Sintaksis russkogo yazy`ka. L.: Uchpedgiz, 1941. 620 p.
15. Raspopov I. P. The structure of a simple sentence in modern Russian. M.: Enlightenment, 1970. 191 p.
16. Sharandin A. L. Morfologiya sovremennogo russkogo yazy`ka: uchebnoe posobie. M.: FLINTA, 2021. 360 p.

Tambov State University named after G. R. Derzhavin
 Sharandin A. L., Doctor of Philology, Professor, Professor of the Russian Language Department
 E-mail: sharandin@list.ru

Received: 10 July 2024
 Accepted: 26 September 2024

Для цитирования:

Шарандин А. Л. Актуальные вопросы теории частей речи в контексте грамматического учения профессора А. М. Ломова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 4. С. 6–15. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/4/6-15>

For citation:

Sharandin A. L. Topical issues of the parts-of-speech theory in the context of professor A. M. Lomov's grammatical teaching. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2024. No. 4. Pp. 6–15. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/4/6-15>